

Комментарий как основной герменевтический инструмент

Айеша Гупта, Е.Г.Борисова

В последнее время, во многом под влиянием философских течений, в центр внимания лингвистов начинает выдвигаться герменевтика. Эта отрасль знания возникла в Средние века как наука о толковании священных текстов. Ее взлет в двадцатом веке связан с тем вниманием к науке о познании, которое вызвало к жизни логический и неопозитивистский подходы.

Если считать герменевтику не только частью философии (гносеологии), но и разделом филологии, необходимо рассмотреть ее предмет и научный аппарат.

Предметом герменевтики объявляется понимание текста. Это пересекается с задачами ряда филологических наук, в том числе и лингвистики, где в последнее время широко разрабатывается «грамматика понимания». Обычно этот процесс моделируется на основе интроспекции исследователя, который отмечает места текста, требующие особых усилий по сравнению с тривиальной процедурой сопоставления со словарем. Такой подход методологически вполне оправдан, однако он не дает возможности ответить на вопрос: каково понимание текста лицом, чья языковая картина мира и фоновые знания существенно отличаются от исследовательских. Например, интроспекция не может однозначно определить, какие места непонятны иностранцу-представителю иной цивилизации, каким было понимание текста у человека прошлого века, каким оно может оказаться у человека другого возраста и образования. Представляется, что в этом случае необходимо опираться на некоторый инструментарий, основой которого может служить комментарий к тексту.

Комментарий – это совокупность сведений, которые, как считает комментатор, необходимы для того, чтобы адресат комментария адекватно понял текст (адекватно – так, как по мнению комментатора, это замыслил автор). Адресатом комментария могут выступать менее сведущие читатели, учащиеся, представители других культур (комментарий для иностранцев). Обычно комментатор считает себя полностью понимающим текст и знающим возможности понимания, имеющиеся у адресата. Естественно, и то, и другое является огрублением ситуации. В результате комментарий имеет дело с тремя совокупностями знаний. Каждую такую совокупность можно представить как трехэлементное множество. Назовем каждое множество «ситуация понимания».

Ситуация понимания включает в себя, во-первых, фоновые знания, во-вторых, языковую картину мира (представления о значениях слов и более крупных единиц и связанных с ними ассоциациях и т.п.), в-третьих, образованное на основании первых двух понимание текста. (Текст при таком рассмотрении выносится за скобки, хотя он тоже участвует в ситуации понимания. Но поскольку он неизменен, его не стоит принимать во внимание при сопоставлении комментариев). И фоновые знания, и языковая картина мира различаются в каждой из ситуаций, а значит, различается и третий компонент ситуации понимания – результат постижения, способ прочтения текста. Неизменным остается лишь сам текст.

В нашем случае мы имеем дело с ситуациями понимания одного и того же текста у автора, адресата (читателя) и комментатора (т.е. три ситуации понимания для описываемого нами случая комментирования текста). Задача комментатора: сопоставить свое понимание текста (которое он считает таким же, как авторское) с пониманием читателя, выявить несовпадения (непонимание или неправильное понимание) и сообщить информацию, ликвидирующую несовпадения, в виде комментария.

В нашем случае – изучения комментария – возникает и четвертая ситуация понимания, относящаяся к исследователю, изучающему комментарий. Это можно рассматривать как итерацию процедуры, описанной выше. От исследователя требуются следующие действия: а) отметить на основании комментария, в каких местах текста имеется несовпадение ситуаций понимания комментатора и (по мнению комментатора) адресата, б) на основании этого восстановить ситуацию понимания адресата комментария, т.е. читателя определенной эпохи и/или культуры. Это восстановление может иметь двойственную цель. С одной стороны, оно позволяет восстановить фоновые знания и языковую картину мира адресата, что может понадобиться для моделирования понимания ими других текстов (например, представить, как понимали то или иное произведение люди этой эпохи или какие проблемы вызовет определенный текст у жителей данной страны). С другой стороны, выявляются те моменты текста, которые в принципе могут оказаться проблемными. Понятно, что при сопоставлении с пониманием исследователя набор этих моментов может несколько отличаться, однако это уже важное подспорье в том случае, если исследователь в свою очередь хочет выступить комментатором. В восстановленных ситуациях понимания могут содержаться сведения, которые по какой-то причине могут оказаться неизвестными исследователю. Т.е. понимание текста адресатом и комментатором может быть точнее, чем у исследователя.

Далее необходима еще одна процедура – третья в этом ряду, назовем ее в): исследователь определяет моменты понимания, нуждающиеся в комментарии, т.е. отличие понимания адресата комментария от исследовательского понимания. Иными словами, какой комментарий дал бы исследователь, если бы это было его целью. Несовпадение комментариев может служить основанием для выводов о комментаторе: какие-то места он или не считал непонятными для адресата, или считал неважными для понимания. Возможен и третий вариант: комментатор сам не владел какой-то информацией и из-за этого что-то плохо понимал в комментируемом тексте. Эта неоднозначность разрешается (по крайней мере, частично) путем обращения к более широкому контексту. Например, отсутствие комментария по значению каких-то слов может означать, что ко времени комментирования слова еще имели то же значение, что и у автора, и были понятны адресату комментария.

Таким образом, обращение к комментарию позволяет получить следующую информацию:

- Сведения о фоновых знаниях (в основном это сведения по культуре) и о языке адресата.
- Аналогичные сведения о комментаторе
- Сведения об основных случаях несовпадения ситуации понимания автора с ситуациями понимания его читателей

- Представление комментатора о ситуации понимания адресата, о важности той или иной информации
- Сведения о ситуации понимания автора (исследователь ставит себя в позицию адресата).

Рассмотрим в связи с предложенным комментарием к стихотворению А.С.Пушкина «Пророк». Было проанализировано несколько комментариев (в основном, для русских школьников и их преподавателей) дореволюционного и советского периодов. Сопоставление комментариев при столь значительных отличиях в фоновых знаниях адресата (а также и языковых, т.к. до революции все грамотные люди знали церковнославянский язык) показывает основные особенности комментария как герменевтического инструмента.

В дореволюционных комментариях отсутствует объяснение того, что такое «шестикрылый серафим» - понятие, обязательно объясняемое во всех советских комментариях (и постсоветских тоже). Такое единодушие явно указывает на различие в фоновых знаниях читателей двух эпох. Очевидно, что дореволюционные школьники имели достаточно сведений о серафимах.

Другое несоответствие: в дореволюционных комментариях, как правило, указывается на наличие параллелей с библейской Книгой Исаии. В советское время они отсутствуют. Это не дает оснований предполагать, что, по мнению комментатора, читатели послереволюционного периода об этом знают – в советских комментариях имеются более общие ссылки на связь сюжета с Библией, т.е. явно речь идет об очень слабой информированности читателей. Не стоит считать, что никому из советских комментаторов Книга пророка Исаии не была известна. В комментарии постсоветского времени упоминание о ней появляется. Значит, комментаторы советского времени не считали нужным вносить эти сведения в комментарий, предполагая, что они не важны для понимания.

Теоретически процедура может быть рекуррентной, т.е. результаты исследователя могут в свою очередь (при достаточной полноте) рассматриваться как комментарий и служить объектом дальнейших исследований (что встречалось при комментировании сакральных текстов). Однако учитывая возникающие при выполнении процедур неопределенности, надо признать, что информативность такого занятия быстро падает.

Анализ комментария позволяет экстраполировать полученные сведения для составления новых комментариев для иных адресатов. В частности, в нашем случае анализ показал, что комментаторы стихотворения «Пророк» в первую очередь обращали внимание на такие особенности языковой картины мира, как религиозная лексика и стоящие за нею представления. Причем это касается не только церковнославянизмов, но и сохранившихся в общелитературном языке слов пустыня, пророк, перепутье и т.п. Именно в аспектах религиозных представлений возникают разногласия фоновых знаний адресатов и комментаторов (хотя, как мы видели, разногласия эти различны в разные эпохи). Естественно предположить, что именно эти языковые и культурные проблемы в первую очередь нуждаются в комментарии.

Действительно, если готовить комментарий к «Пророку» для индийцев, особенно нехристиан, то к примеру, *пророк* или *пустыня* обязательно должны быть прокомментированы. Дело в том, что для индуистской (а частично и мусульманской) религиозной традиции фигура удалившегося в пустыню аскета очень распространена. Однако в этих традициях роль аскета не совпадает с ролью пророка в Ветхом Завете. Поэтому языковая картина мира и фоновые знания читателя-индуиста создадут ситуацию понимания, существенно отличающуюся от авторской. Для ее коррекции и понадобится соответствующий комментарий.

Предложенная процедура анализа комментария относится не только к чтению художественных текстов. Она может быть отнесена и к религиозным, философским, научным, наконец, политическим произведениям.

В последнем случае комментариями являются аналитические статьи, посвященные каким-то политическим текстам («подвалы» и «колонки» в газетах, комментарии на радио и телевидении). Их целесообразнее брать для анализа вместе с невербальным контекстом (действиями политиков). Анализ комментария может дать представление о фоновых знаниях, т.е. о взглядах комментатора (обычно представителя определенных политических сил, что нередко им скрывается). Кроме того, может быть выявлено то, что комментатор не счел нужным сообщить читателям, а это, как отмечено выше, также может быть значимо. Таким образом, применение герменевтических приемов при анализе политических текстов может иметь вполне определенное прикладное значение.

Литература

Г.И.Богин Типология понимания текста. – Калинин.1986.

А.Незеленов А.С.Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799-1826). – СПб 1882.

В.И.Покровский Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М. 1905.

З.Я.Рез Анализ лирического стихотворения в старших классах (А.С.Пушкин «Пророк»). М.1971.

Л.Л.Шестакова Лингвистический анализ стихотворения А.С.Пушкина «Пророк»//Литература в школе. С.77-81. 1997.